

«ОРИЕНТИРУЙТЕ, НАПРАВЬТЕ...»

ПИСЬМА М. А. ВОЛОШИНА К В. В. ВЕРЕСАЕВУ

1921—1930

Первое их знакомство, по-видимому, относится к весне 1917 года, когда Волошин был в Москве. Но сойтись ближе и подружиться им довелось в Контебеле. Вересаев приехал туда в сентябре 1918 года — «на три месяца» — и прожил три года. Возвращение его в Москву задержала гражданская война.

Все это время Волошин, сторожил Контебеля, чем мог помогал Вересаеву. Оба они участвовали в работе советских органов просвещения, оба подвергались затем преследованиям белых. «За это время Крым несколько раз переходил из рук в руки, пришлось пережить много тяжелого; шесть раз был обворован; арестовывался белыми; болел цингой...» Так вспоминал Вересаев впоследствии эти годы.

Вернувшись осенью 1921-го в Москву, Викентий Викентьевич не забывал крымчан и очень много помогал им. Его письма к Валошину за 1922-23 годы полны сообщениями о выхлопотанных писателем для друзей санаторных пайках, издательских договорах, авансах. Волошин с удовлетворением писал А. Остроумовой-Лебедевой в ноябре 1924 года: «У меня есть очень мудрый и в издательских делах опытный советчик — В. В. Вересаев. Он был так добр, что взял в свои руки мои литературные дела...» Вересаев же, крайне высоко ставивший «по-революционному Волошина», считал его в тот период «лучшим из живущих русских поэтов» (письмо к Валошину от 7 мая 1925 года).

Вересаев еще несколько лет, с 1926-го по 1929-й, приезжал в Контебель отдыхать и работать. Но постепенно климат знойного Контебеля становится ему тяжел, в 1930-м дача была продана. Однако память о годах, там проведенных, не оставляла писателя, и он не раз вспоминал Контебель в своих мемуарных зарисовках.

Представить этот период и отношения двух советских литераторов помогают также волошинские письма Вересаеву. В них хорошо прослеживается то чувство дружеского доверия, которое поэт испытывал и старшему другу. Он делится с ним творческими замыслами, сомнениями, просит помощи и совета. «Ориентируйте, направьте...»; «Позвольте... увидаться... чтобы Вы меня... ориентировали и наставили», — повторяет он в письмах.

Одновременно ярко вырисовывается облик самого Волошина: его бескорыстие, жертвенная готовность помогать другим, высокая духовность. Со стоическим мужеством он преодолевает недуг, внушая себе: «Боли мне только помогают не отрываться от письменного стола...» Перед нами Волошин-труженик, не отрывающийся от работы «целыми днями», несмотря на холод; снова и снова переделывающий свои стихи. Мы видим, как вынашивается и все дороже становится поэту идея его «художественной колонии», ставшей делом последних лет его жизни.

Из 40 сохранившихся писем Волошина здесь публикуется 27 (с некоторыми сокращениями).

[Осень 1921 г.]

Дорогие Викентий Викентьевич и Мария Гермогеновна,
приветствую Вас в Москве.

Я пишу Вам из Феодосии, где нахожусь в X санатории. Пришлось оставить Праг¹ совершенно одну в Контебеле. Но от лечения пока результатов не вижу. И лечения как следует — лечения интенсивного с ваннами, с массажем, с надлежащими лекарствами я, очевидно, не дождался. И остаюсь пока калекой. Но кое-как ковыляю немного по городу и, несмотря ни на что, собираюсь начать чтение моих курсов в Высш[ем] Инст[итуте] Нар[одного] Обр[азования] и Ком[андных] курсам.

12/III 1922. д. Айвазовского. Феодосия.

Дорогой Викентий Викентьевич!

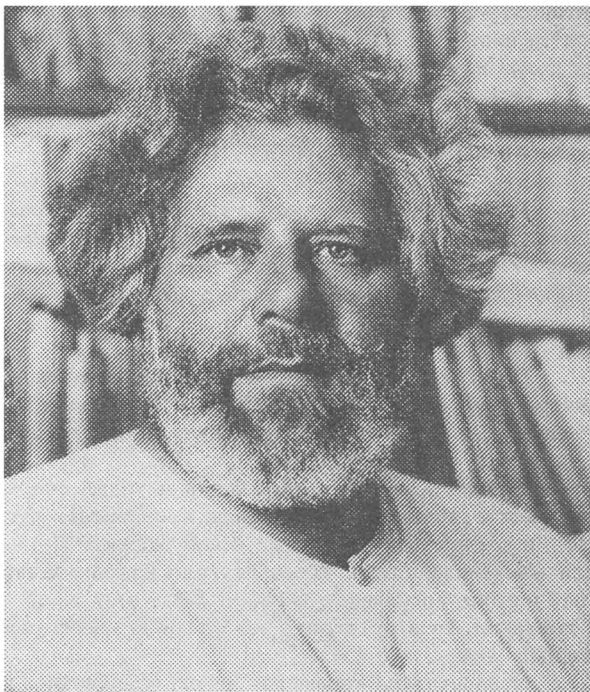
Посылаю Вам из рукописей — первые 8 глав новой моей поэмы (или цикла) «Путями Каина», которая должна составить новую книгу стихов и которую надеюсь закончить теперь же. (Нахожусь в самом разгаре работы). Желательно было бы все 8 глав напечатать одновременно в одном из имеющихся в Вашем распоряжении альманахов.

¹ Письма и акварели М. А. Волошина, воспроизведенные на вклейке, хранятся в собрании А. Ф. Маркова.

Потом посылаю Вам для Госиздата монографию о Сурикове, которую считаю одной из наиболее серьезных и удачных своих работ.

Но:

она была заказана и оплачена (300 р.) издательством Кнебеля² в 1916 году. Оно ее не издало. Я не знаю — существует ли оно. Вместе с тем книга, издаваемая вовремя, теряет свою ценность. Поэтому я думаю, что имею право теперь — через 6 лет и смены 3 режимов — распорядиться ею по-своему. Но если Кнебель существует и функционирует, то будьте добры все же запросить его по телефону, т. к. я отнюдь не хотел бы оказаться некорректным.

К этому изданию, разумеется, желательны иллюстрации, хотя бы в виде 6 главных картин Сурикова, клише которых очень распространены. Но возможно издание и без иллюстраций.

Кроме того, имею возможность немедленно составить и прислать несколько книг моих критических статей:

- 1) О театре.
- 2) О живописи.
- 3) О литературе.

И у меня имеются книги переводов:

- 1) Стихи Анри де Ренье.
- 2) Драма Клоделя «Отдых седьмого дня».
- 3) Трагедия Вилье де Лиль Адана «Аксэль».

Переводы Ренье еще нигде не были напечатаны, и желательно было бы их размещение предварительное в нескольких альманахах.

Я лично прожил эту зиму частью в санатории, частью у себя в кв[артире] Лампси³. Питался санаторным пайком. Вообще мне, как библейским пророкам, вороны приносят хлеб. Все время, когда был на ногах, посвящал человеческим делам, а болезни — писанию поэмы.

Дорогая Мария Гермогеновна, благодарю Вас за письмо и Вас вместе с Викен. Вик. за внимание, память, сочувствие, хлопоты — за все, что теперь так важно и бесценно.

В Коктебеле все эту зиму выжили. Мама живет одна во всем доме. Но мне отсюда удавалось ей пересылать все время продукты: я одно время читал лекции на ком. курсах и там получал военный паек...

Коктебель еще лучше, чем остальные местности Феод. области. Муся Новичья⁴ сейчас в Феодосии и напишет Вам подробно о Коктебеле. Как я рад, что Вы теперь в Студии Худ. театра и что Ваша мечта осуществилась. Это у Масса-

литинова⁵ 3-я студия? Привет ему. Прилагаю письмецо для Веры и Лили Эфронов⁶ и прошу их адрес. Я, как всегда, живу очень полной и деятельною жизнью, несмотря на болезнь, которая лучше (хожу), но еще не проходит.

Очень надеюсь, что удастся проехать в мае в Москву. Но это только надежды. Очень прошу прилагаемое письмо передать Вере и Лиле Эфрон.

Крепко обнимаю Викен. Викент. и Вас.

Максимилиан Волошин.

P. S. Просьба: познакомиться с моей женой Маргаритой Васильевной Сабашниковой⁷ (тел. 33-36. Волхонка, на углу против храма Спасителя, дом, где была гимназия Креймана, кв. Сабашниковых), рассказать ей про меня, и чем я жил эти годы и дать ей прочесть те стихи, что посылаю Вам.

18/III 1922.

Сегодня день писем и суматохи празднования дня Парижской коммуны, а завтра снова примусь за работу. Мне осталось для поэмы пять глав написать. Две последних — это стихи, написанные ранее, а сызнова только 3: «Государство», «Наука» и «Набй»⁸...

Рукопись «Selva oscura»⁹, как я узнал вчера, уже в Москве, после многих скитаний и приключений у Лимана и, вероятно, уже передана Соф. Яковл.¹⁰. Кроме того, я послал Вам с Нанием¹¹ монографию о Сурикове и 8 глав «Путей Каина» — для альманахов. Если Госиздату или изд-ву писателей (последнее предпочтительнее) улыбнется издание в одном томе всей моей лирики (моих книг уже нет в продаже), то я предпочту это изданию «Selva oscura» отдельному и вышлю Вам полный текст.

Относительно пересылки денег, то, конечно, лучше всего верными оказиями. Но, м. б., возможно телеграфом — через финотдел. На почте выдают, но денежных знаков мало и бывают очень долгие задержки. И еще раз большое спасибо за всю заботу обо мне и о моих литературных делах.

Дела с голодом в Феодосии обстоят так же... цены эти дни чуть понизились (пуд муки 7-8 миллионов, фунт хлеба 130 тыс., а была 200 т.).

До свидания. Привет Марии Гермогеновне. Спасибо за все.

Максимилиан Волошин.

P. S. Большая просьба передать (или вызвать по телефону) эти два письма Парнок и Кудашевой¹².

14/IV 1922. Феодосия. д. Айвазовского.

Дорогой Викентий Викентьевич,

большое и глубокое спасибо за все, что Вы делаете. Эти 93 мил[лиона] были такой неожиданностью. Только... и мне даже жутко писать Вам это, так больно огорчать Вас, — они не дошли до меня. Д-ра Нания по дороге (в Харькове) ограбили. Он приехал совершенно обескураженный и пришел ко мне с глубоким отчаянием, обещая мне все постепенно выплатить. Но я, конечно, отказался от этого: чем же человек виноват, что хотел сделать любезность и сам стал жертвой. Нельзя этого возлагать на него. И я, несмотря на его протесты, ему сейчас же написал расписку в том, что 93 милл. получены с него сполна, чтобы освободить его душу, по крайней мере формально, от ответственности. Таковую же расписку посылаю Вам. И поверьте, Викентий Викентьевич, что я испытываю к Вам не меньшую благодарность и радость, чем если бы я получил эти миллионы. Я думаю, что Вы согласитесь, что я не мог поступить иначе по отношению к Нанию. Мне жаль только огорчать Вашу радость о том, что Вы наконец выручили меня материально.

Но оставалось еще 24 миллиона других денег (Герцын, Потапенке, Екаг. Влад.¹³ и т. д.). С ними я, конечно, не имел права распорядиться так, как со своими, и, не имея возможности их покрыть сейчас же из своих (у меня столько нет), я предложил Нанию разделить этот долг пополам и возместить его целиком — так, чтобы получающие и не знали бы об утрате их денег. Это все деньги собраны

малоимущими с громадным трудом — для совсем не имеющих, и они должны быть выплачены целиком. (Они уже все выплачены теперь. 20 апр.).

Сейчас уже, загнав все мои запасы, купленные во Внешторге, и золото, оставшееся от прошлой полочки, мне удалось почти реализовать эту сумму (стараясь, чтобы на долю д-ра Нания осталось как можно меньше). Так что на праздниках раздам ее деньгами или мукой.

Так что Вы можете быть спокойны: здесь — все будут удовлетворены. И даже я, спустив все мои запасы и деньги, все же не окажусь совсем обделенным, т. к. только что пришла весть, что из Симферополя идет настоящий академический паек.

Милая Мария Гермогеновна, я был глубоко тронут Вашей записочкой, где Вы говорите о том, что хотели бы посмотреть на мое лицо и быть в моей комнате, когда я получу письмо Бик. Вик. К сожалению, все произошло совсем иначе, чем Вы думали, но думаю, что Вы бы разделили вполне мою радость, когда все же удалось выпутаться и не ввести никого в ущерб. Не ожидая такой грандиозной суммы денег, я несколько не обеднел, узнав, что они могли быть, но что их нет, а реализовав остальные 24 миллиона, я радуюсь, б. м., еще больше, т. к. удалось все же обыграть чужую судьбу и парализовать чужую неудачу.

Несколько практических дел: нельзя ли дополнить список лиц для Внешторга следующими именами 1) Слудский А. Ф.¹⁴ 2) Вучетич В. Н.¹⁵ (Карадагская станция выкинута только что из Крымского наробраза и осталась совсем в воздухе. Но на первый раз я достал через Помгол и Внешторг 4 пуда муки для Слудского). 3) Художник Хрустачев Н. И.¹⁶ 4) Гинцбург-Корев — музыкант и поэт¹⁷... Это для пополнения списка Внешторга. А для академических пайков, т. к. Вы не имеете полного списка лиц для Феодос. области, то прилагаю его. Это те, кто имеют права и документы.

Феодосия: Богаевский К. Ф., проф. Церасский, Галабутский Ю. А., Ахшарумов (быв. директор Полтавс. консерватор[ии])¹⁸ — Волошин, Вигонд.

Коктебель: Манасейна, Соловьева, Новицкий¹⁹.

Судак: Герцык, Буткова, Спендиаров²⁰.

Карадаг: Слудский и Вучетич (ходатайство их с заполненными анкетами — в ответ на запрос из Москвы — прилагаю для передачи в Академический центр. Волхонка, 18). Всего 14 человек. Остальные. Ялта: Елпатьевский, М. П. Чехова, Найденов²¹. Симферополь: Тренев, Дерман, Тугенхольд²². Алуща: Шмелев, Ценский²³. Севастополь: Цингер. Это официальный список, мне присланный...

Только маленькая горечь остается у меня от утери этих денег: мой приезд в Москву становится более проблематичным. Мама согласилась меня отпустить, если я ее обеспечу едой, и у меня уже начинали скопляться для нее припасы; а теперь я снова гол как сокол, и надо поджидать новых очередных воронов. Знаю, что в Симферополе лежит телеграмма Луначарского, вызывающая меня в Москву, и в столь энергичных выражениях, что там, в краевом правительстве, говорят о том, что меня нужно немедленно отправить в Москву по этапу. Будет курьезно, если они перестараятся. Но я буду сейчас упорно сопротивляться, и прежде всего потому, что я хочу окончить «Путями Каина» и приехать в Москву с законченной поэмой. Я в самом разгаре работы. Прошлая присылка денег... а особенно различные последующие человеческие неприятности (достаточно оказать услугу 10 человекам, чтобы кровно обидеть 100) сорвали у меня работу на 3 недели. Теперь я как раз снова собрал мысли и волю — и вот, несмотря на все тревожения, хлопоты, беготню, несмотря на то, что меня прерывают через каждые четверть часа, что мне приходится между работой вычислять какие-то проценты, считать деньги и пуды, я все же закончил новую главу «Государство» — именно в эти дни.

Теперь осталось только 2 главы: «Наука» и «Пророк» — и вся поэма будет завершена. В ней, мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции. Я еще совершенно не знаю, чем окажется моя поэма в качестве художеств. произведения. Но у меня, по крайней мере, будет завершенная формулировка моего отношения к современной культуре, к человеку и поэтому и к политике.

Если успею — перепишу для Вас «Государство». Никаких других рукописей пока не посылаю, т. к. был весь этот месяц буквально на части растерзан человеческими делами и каждую минуту хранил для работы.

Если действительно академические пайки можно будет получать через ЦУКК²⁴ непосредственно из Москвы, то это будет прекрасно. Потому что, хотя сейчас пришел акад. паек из Симферополя — (очевидно — ответ на ходатайства, присланные Вами раньше на имя Крымнаркомпрода Бортникова и пересланные мною в Симферополь), но здесь ни за какую регулярность ручаться нельзя — в ноябре мы тоже получили неожиданно паек.

И, кроме того, сейчас список продуктов, входящих в паек, очень щедр: 2½ п. муки, 1 п. 14 ф. крупы, 1½ рыбы и мяса, 12 ф. жиров и ½ кофе. Но это уже бывало и раньше, а фактически выдавали 35 ф. муки и говорили «а остального у нас нет». Посмотрим, как будет на этот раз... (Только что узнал, что эта порция — сразу за 3 месяца).

Новицкие переселились в Феодосию уже.

Кончаю письмо и еще раз горячо благодарю Вас за все, что Вы делаете для других и для меня.

15/IV 1922. Очень прошу устроить мое лечение в Сакской грязелечебнице через Семашку²⁵ — здесь этого нельзя сделать. А мне это необходимо, и раньше мне нечего думать об отъезде на север.

30/IV 1922.

Дорогой Викентий Викентьевич, только что получил Ваше письмо, посланное мне 20 апреля по почте, — удивительно быстро.

О событиях внешнего мира мы не знаем ничего: в окне «Роста» «радио» перестали вывешиваться по случаю возобновления местной газеты, а местная газета не выходит по случаю отсутствия радио. Тем не менее о конференции²⁶ рассказываются в городе все подробности в двух диаметрально противоположных редакциях.

Физически мне снова стало плохо: опять боли во всех суставах и о путешествии в Москву мне нечего и думать сейчас. Вся надежда — это грязевые ванны, которые, как мне говорят врачи, единственные могут мне помочь радикально. И я еще раз (на случай, если предыдущие письма мои утратились) очень прошу Вас ходатайствовать перед Семашкой, чтобы меня с конца мая (начало сезона) приняли в Сакскую или иную грязевую санаторию.

Привет Марии Гермогеновне. Очень, очень благодарю Вас за все.

Максимилиан Волошин.

10/IX 1922.

У меня есть надежда, что я по приезде все же уговорю Пра отпустить меня на несколько месяцев в Москву и приеду в середине зимы, до весны. Откладываю все до середины зимы потому, что хочется использовать осень для работы и, главным образом, для того, чтобы дописать книгу «Путями Каина». Я ее весной считал уже почти дописанной. Но потом увидел, что необходимо еще написать, по крайней мере, еще 6-7 глав. Поэтому пока не могу еще принять предложение Воронского²⁷, за которое очень ему благодарен, ни взять аванса: всегда остерегаюсь это делать, пока рукопись у меня не закончена. С этим же письмом посылаю еще 3 главы той же книги для «Кр. Нови».

Читал здесь (в Симф. и Евпат.) ряд лекций. Материальный успех — малый. Шуму — очень много. В Евпатории было острее столкновение с военной цензурой, которое чуть не привело к аресту моему и устроителей лекции, но завершилось исключением цензора из партии, смещением его с должности, т. к. партийный комитет принял мою сторону, а у него (он — капельмейстер) оказалась в прошлом музыкальн. композиция «в честь коронавания их Император. Величеств». Город был мне очень благодарен, т. к. он в качестве цензора запрещал романсы на Пушкинские слова («Не пой, красавица, при мне ты несен Грузии печальной...») — т. к.: «Отношения Советс. власти к Грузии еще не определены», и «Арию Шемаханской царицы» (потому что царица) и т. д. И вообще

был человек крайне тупой, невежественный, злой, упрямый и мстительный и устранение его — серьезная услуга, оказанная Евпатории.

Нет, сейчас не смогу послать стихи. Сию минуту в Симферополе не располагаю ни письменным столом, ни минутой свободного времени. Пришлю из Севастополя с первой же оказией.

Это письмо передаст Вам Софья Захаровна Федорченко²⁸, которую очень рекомендую Вам и Мар. Гермогеновне как редко талантливого человека и действительно знатока народной речи. Помогите ей ориентироваться в Москве.

С очень большим интересом [слежу] за Вашим романом и жалею, что он появляется так отрывочно²⁹.

20/XI.1922. Севастополь.

Дорогой Викентий Викентьевич, представьте себе, что я еще до сих пор лечусь в Севастополе и только на этой неделе уезжаю наконец в Феодосию (к 1-му декабрю буду там).

Только что получил Вашу телеграмму о стихах. Дорогой Викентий Викентьевич, но ведь у меня ничего нет нового! Все эти пять месяцев лечения в Саках и в Севастополе нечего было думать о работе. Меня лечили и в хвост и в гриву, я жил в каком-то тумане постоянной усталости, плюс еще санаторная обстановка — я разрываюсь от желания работать, — но с апреля я ничего не написал еще нового и все мои надежды на Коктебель.

...Вам посылал гораздо больше, чем то, что напечатано и принято в «Юр. Нови». Вероятно, тоже пропало? (главы: «Кулак», «Магия», «Огонь», «Машина»...) Сейчас я еще не пошлю их: у меня нет переписанного текста и я хочу еще раз их переработать, как только окажусь в Коктебеле.

Так что, если только у С. Я. Парнок все разошлось, то у меня ничего нет больше. Но не думаю: я не видал еще ничего моего напечатанным, кроме «Дикого Поля», «Меча», «Пара» и «Пороха»³⁰ (все это шло через Вас).

Я получил запрос от Ангарского³¹ — и направил его за разрешением всего к Вам. Получил запрос от Гос. Изд. и смогу ответить только из Коктебеля. Но суммарно могу ответить так: хочу издать 3 книги стихов:

1. Лирику (1907—1917). Имея «Годы странствий».
2. «Неопалимую Купину» — все стихи о Революции (1917—1921).
3. «Путями Каина» (1922—1923).

Имею для издания:

1. Книгу статей о живописи.
2. Книгу статей о театре.
3. Книгу статей о литературе.

Переводы:

1. Анри де Ренье. 2 статьи о нем. Стихи. Проза.
2. Вилье де Лиль Адан. Статья. Аксэль (трагедия).
3. Поль Клодель. Отдых седьмого дня (драма).

Музы (ода). Статья о нем.

Но это все надо составить, аранжировать, переписать. Все это возможно сделать только в Коктебеле.

Пока будьте добры сообщить этот общий список. Подробнее же напишу после. В первую голову желательно, конечно, переиздание и издание стихов. (Для лирического тома у меня есть целый ряд своих виньеток, заставок, рисунков, воспроизводимых в цинкографии — если это желательно?)

Но я не улавливаю разницы между Госиздатом, издан. Воронского и Ангарского, «Щитом» и «Новой Москвой». Все ли это разные издательства или они связаны между собой? Не решаюсь дать никакого ответа, не посоветовавшись с Вами. Ориентируйте, направьте...

Выздоровел ли я после столького лечения? И на это я не могу ответить, т. к. результаты скажутся только во время зимы. Пока только усталость и обост-

рение всех болей. Но если я и теперь не выздоровел, то, очевидно, и не выздоровлю и надо просто приспособливаться к хроническим болям и не обращать на них больше внимания.

Кроме того (на всякий случай) повторяю: деньги (120 мил.) — гонорар за «Государство» и «Пророка» — посланный с Г. Н. Кошелевой в Саки — получил. И, в сущности, это первый и единственный гонорар, дошедший до меня благополучно за все это время.

Кстати, о пересылке денег: посылать их переводом — не следует, т. к. почта их задерживает за неимением денежных знаков, но их всегда можно пересылать в открытом пакете (прямо бумажками), а пакет на почте же запечатывается. Это дороже, но это верно и точно. А письмами — кажется, уже можно посылать более верно (если есть деньги на марки).

Пишу это письмо второпях, т. к. все эти дни перед отъездом я совсем разобран. Напишу подробнее потом (особенно о Сергеевке³²).

7 января 1923 года. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

письмо Ваше застало меня в очень тяжелых обстоятельствах и таком же расположении духа. В Феодосию с леченья я вернулся 1-го декабря, и тотчас меня схватил припадок астмы, который длился 16 дней, и я 16 ночей простоял у прилоки или облокотившись на подоконник. Тут я был вызван в Коктебель известием, что маме очень плохо. Застал ее в постели, задыхающейся и бесконечно слабой. Так она с постели и не вставала и, по-видимому, уже и не встанет. Она отказывается от еды и тихо угасает. Почти не говорит, не узнает, находится в полусознательном состоянии: жизнь утекает на глазах с каждым днем. На мне хозяйство, кухня, ухаживанье за больной. К великому моему счастью, я все-таки оказался не один: ко мне приходит из Феодосии, остается здесь и помогает мне Марья Степановна Заболоцкая³³. Вы ее, кажется, совсем не знаете: это ученица и воспитанница Н. К. Михайловского³⁴. Мы с ней дружны давно, а с мамой она очень сдружилась, навещая ее во время моего отсутствия летом. Без нее не знаю, что бы я стал делать. Жить маме осталось не месяцы, а недели, м. б., дни. Часто вспоминаю Ваш глубоко верный и мудрый рассказ «Смерть». Все это сказалось, конечно, на рабочей продуктивности: летом во время лечения — работать было немислимо: грязи, электричество и общие световые ванны слишком переутомляли все время, теперь о работе тоже нечего и думать. Так что «Путями Каина» остаются все в таком же незавершенном виде, как были весною. Но я все-таки не оставляю надежды закончить их к весне. Сколько я знаю, ни «Государство», ни «Пророк» еще в «Кр. Нови» не напечатаны. Мне пришлось много раз всю эту серию читать летом в самых разнообразных аудиториях, и я пришел к необходимости существенно переделать «Пророка» (т. е. принужден, в конце концов, согласиться с теми доводами, что Вы мне приводили с самого сызначала). И потому, если возможно, задержите еще немного печатанье «Пророка». Напротив, «Государство» — оно определилось окончательно.

13/1 1923.

За эти дни я успел закончить два новых стихотворения: «Голод» и «Русь» и посылаю их Вам для печати... Прилагаю к ним два, еще не напечатанных, моих перевода из Виктора Гюго из «Страшного года» — о расстрелах коммунаров: их можно использовать к 15 марту.

Прилагаю для Госиздата список книг, что у меня готовы к печати и переизданию (ответ на запрос), и несколько ответов к различным издательствам, которых прошу за всем обращаться к Вам, а также свидетельствую о том, что поэту Миндлину³⁵ я никаких прав на печатанье моих стихов не давал.

15/1 1923.

Вы спрашиваете о «Записках Вигеля». У меня Новицкие их не оставляли. Юнге³⁶ не помнят, но обещали их поискать на чердаке. Я сам их с удовольствием прочту, ежели найдутся, и привезу Вам. Очень интересуюсь Вашей работой о Пушкине.

...хочу прежде всего перепечатать первую книгу лирики: «Годы странствий» (1-е изд. у Грифа в 1910 году. Распродана), а потом книгу переводов стихов Ан[ри] де Ренье. Стихи еще не печатались нигде, даже в журналах. Но к ним еще хочу присоединить перепечатку 2 моих статей о Ренье и 6 рассказов, изданных в свое время отдельной книжкой. И то, и другое я готовлю в первую голову. Кроме того, очень мечтаю об издании, совместно с Богаевским, книги «Киммерийские сумерки». Сейчас искусство К. Ф. Богаевского очень ценится, и, вероятно, издание большого альбома его литографий, сделанное Гос. изд., будет иметь большой успех. Мои стихи о Киммерии и его пейзажи очень близки другу другу и духовно, и исторически. Собрать их в одной книге имеет большой смысл и снабдить большою статьей о Киммерии и о киммерийском искусстве. Вот три книги, которые я бы хотел издать этой весной. А остальные надо только подобрать и кое-что проредактировать. Я их привезу с собою. Большое спасибо, Викентий Викентьевич, за Ваше предложение быть «Плетневым», благодарю Вас от всей души и принимаю его.

Крепко жму Вашу руку и горячо благодарю за всю Вашу дружбу ко мне.

Если приеду в апреле, могу ли остановиться у Вас? Как Вы предлагали? Если неудобно, напишите мне, не стесняясь, — у меня есть еще несколько возможностей.

Привет Марии Гермогеновне. Как ее театральные дела и успехи? Получила ли Нат. Ив. Манасина Ваши посылки — не знаю, но дошел слух, что ей плохо и было что-то вроде предупреждения удара.

Максимилиан Волошин.

20/II 1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

надеюсь, что мое январское письмо дошло до Вас. Там я писал Вам о смерти мамы (8 янв./26 дек.), подробно отвечал на все вопросы и посылал несколько новых стихотворений. Мой приезд в Москву до сих пор висит в воздухе: я еще не вижу; кого я оставлю жить в коктебельском доме. Кстати, о Вашем доме: знаете ли Вы, что Марина³⁷ уехала в Керчь и что там помещается Особый отдел? Я не видел еще, в каком виде он внутри: только что были морозы и я не выходил, а до них была грязь непролазная. Но зайду, как только будет возможно, и напишу Вам.

Сейчас, кажется, кончаются морозы, к счастью, они не были долги — недели 3. Зима была милостивая. Что в городе — не знаю. Живут туго — но голода нет. Говорят о предстоящей войне и ждут ее. Газет не вижу, в городе не бываю. Живу книгами и работой. Писать трудно — рука все отнимается, поэтому пишу только карандашом. И Манасина, и Соловьева были обе больны. Нат. Ив. давно уже выздоровела, а Пол. Серг. до сих пор еще лежит. Это уже вторая серьезная болезнь ее за эту зиму. Я, будучи в городе в январе, справлялся, получали ли они от Вас деньги. Они говорили, что получили полностью и только этим и жили всю зиму. Сейчас до меня дошел слух, что они и я — мы снова будем получать санаторный паек взамен академического. Я еще не мог никого послать в город и разузнать. Но, конечно, это Ваших рук дело, Викентий Викентьевич, и я горячо благодарю Вас.

Для «Пут. Каина» сейчас перечитываю все, что у меня есть по физике и небесной механике (Пуанкаре, Лебон, Эйнштейн, Майер).

Относительно «Записок Вигеля» еще ничего не узнал. У Юнге книги Новицких сложены на чердаке, и разобраться в этих грудах можно будет только тогда, когда потеплеет.

2 апреля 1923. Коктебель.

Теперь все рвутся в Коктебель — т. е. все художники: Богаевский, Успенский, Магула³⁸ и еще другие. И решено коллективно праздновать пасху у меня. У меня теперь в доме завелся порядок и даже благолепие благодаря хозяйничанью Маруси Заболоцкой. И даже гостей принять можно. Мне судьба посылает исключительно хороших людей, а появление Маруси в нашем доме еще при жизни Пра прямо благословение божие.

Кроме того, я перевез к себе на постоянное жительство из города старика Зелинского³⁹ (народоволец, эмигрант, друг Бакунина, Реклю, Кропоткина, Драгоманова). Он погибал в Феодосии от нужды и болезней, не получая академического пайка, который ему выхлопотала Вера Николаевна Фигнер. Теперь он будет жить у меня. Это даст мне возможность уехать после пашки вместе с Марусей. Она едет в Петербург, чтобы узнать — сможет ли она теперь окончить Медицинский институт, который она оставила еще в 14 году, уехав на войну пом[ощником] лек[аря], и с тех пор не возвращалась.

Спасибо за книги, особенно за «Закат Европы»⁴⁰ — необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя [я] с нею в большинстве случаев и не соглашаюсь. Для моей работы над «Пут. Кайна» она драгоценна.

Спасибо за новых поэтов. Но пока, ввиду моего близкого приезда, не посылайте мне новых книг. Только об одной прошу, если случайно она попадетсЯ (б. м., какому-нибудь магазину можно поручить поискать?) — она мне была бы крайне нужна для работы:

А. Ветухов. Заговоры, заклинания и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (из истории мысли). Вып. I—II. Варшава, 1907. 522+VII стр. Я думаю, что ее могут еще где-нибудь книгопродавцы найти.

Книгу Эренбурга «Хулио Хуренито» я успел наскоро, но внимательно пресчитать в Ялте. Мне она крайне понравилась. В ней есть конструктивная невыдержанность. Но она блестяща. Но Европа до войны ему удалась значительно лучше, чем война и Советская Россия. Главы из его романа в «Недрах» я только что прочел: трудно судить. Но очень узнаю его самого и его восприятие мира в этом «Тараканьем броде»⁴¹. Так что, пожалуй, не соглашусь с Вами, Викентий Викентьевич, что он гонится за новейшими темами и формами: это органически его темы и его давнишние формы, еще родственные ему в «Канунах».

С большим интересом перечел 1-ую часть «В тунике». Целостному художественному впечатлению мне сейчас мешает слишком точное знание элементов действительности, из которых построен роман. Из отдельных документальных лоскутов воображение невольно строит знакомые фигуры. Но виноваты в этом, конечно, не Вы, а я сам — читатель, слишком осведомленный в материале. Но зато это же мне даст возможность оценить точность его психологических пропорций. И увеличивает интерес к Вашей творческой технике. С крайним интересом жду продолжения. Очень меня интересует — проследите ли Вы психологию намеченных лиц вплоть до возвращения в Крым белых? Пока мне это представляется художественно необходимым. Но это, м. б., потому, что моя психологическая связь событий в ту эпоху была иная.

Из присланных Вами стихов с некоторым предубеждением раскрыл присланного Вами и мне неизвестного Ник. Тихонова. Но он сразу подкупил меня собственной музыкальностью и силой. Казина я уже раньше отметил по отдельным стихотворениям и с интересом прочту его книгу. Он крепко вяжет стихи. Очень рад «Огненному Столпу» Гумилева — его у меня не было, хотя все стихы в отдельности знакомы. Но что меня обрадовало чрезвычайно — это полученная на днях книга (2 изд.) Федорченко «Народ на войне». Я перечитывал ее с упоением. На мой взгляд, она имеет не только исторически документальное значение, но это и художественный этап русской прозы, которая со времен Чехова вступила на путь сжатости, который у современных беллетристов (Пильняк, Вс. Иванов) достиг не только телеграфной сжатости, но перешагнул в условную сокращенность телеграфных кодексов. А у Федорченки есть сжатость сюжета и психологии. Эти записи я не могу рассматривать как сырой документ: в них есть вся полнота творчества (выбора и отбора — формулировки). Каждая из них может быть развернута в рассказ или повесть. Пред такой художественною сжатостью, не выходящей из традиций русской литературной ясности, сам Чехов может показаться растянутым. Фантазия читателя приобщается вполне к акту творчества. Любая страница дает материалу не меньше, чем целый том беллетристики.

Не помню, посылал ли я прошлый раз мое стихотворение «Благословение». Во всяком случае, прилагаю его в последнем варианте. Пойдут ли где-нибудь главы «Машина» и «Война» из «Путей Кайна»? Или они совершенно неприем-

лемы? («Война» настолько переработана и расширена, что я считаю себя вправе напечатать ее как совершенно новое стихотворение).

...Кстати: была ли кем-нибудь разработана тема о взаимовлиянии Пушкина и Мериме? Для истории развития принципа литературной сжатости эта тема крайне важная. Вигеля непременно найду и привезу.

Дорогая Марья Гермогеновна, как Ваши сценические дела и успехи? Простите, что не пишу Вам отдельно. Но каждое письмо мое обращается в равной мере как к В. В., так и к Вам.

Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку. До скорого свиданья. Как только для меня определится более точно день отъезда, извещу Вас за неделю.

Максимилиан Волошин.

Р. С. Видел Пол. Серг. Она миллиард получила и Вас давно уже известила. Паек академический получен. Но какой!.. Вместо жиров льняное масло (несъедобное). Вместо мяса — тарань, мука — с горохом.

1923 г. 25 мая. Коктебель.

Сейчас я заканчиваю новую, большую и очень важную главу «Космос», над которой работал всю весну, в которую сейчас войдет и «теория относительности», и Шпенглер, и еще многое из современных умозрительных событий и приключений.

Викентий Викентьевич, мне очень нужно для работы над «Путиами Каина» большое сводное издание памфлетов Поля Лафарга «Против бога и капитала» изд. Гос. издана.

В этом году в Коктебеле ожидают съезда и даже уже появились дачники из Москвы. Я тоже приготовил неразоренные комнаты — но не для того, чтобы сдавать их за плату, а чтобы пускать туда жить художников, литераторов даром: имейте это в виду для Ваших знакомых, едущих в Крым. Но все же лучше заранее предупредить о приезде. Теперь уж (с марта) у меня живет Зелинский (стар. эмигрант-земледелец, о котором я Вам писал), на днях переехали Бутковы. Голодающих — подкармливаю: особенно академистов, почему-либо лишенных или не получающих пайка в этом году.

Коктебель. 15 июня 1923.

Дорогой Викентий Викентьевич,

наконец-то я закончил большую и очень ответственную главу «Путей Каина» — «Космос», над которой работал всю весну и застрял. Это смена космогоний, начиная с каббалистического представления (по Зогару⁴²) и кончая теорией относительности. Тема портретирования культур — близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать «Космос» до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но полезен мне он оказался только в нескольких строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много и [я] глубоко благодарен Вам за эту книгу.

Недели две назад я писал Вам об изменившихся моих планах: что в Москву я приеду только осенью: я слишком запоздал с выездом благодаря и чужим, и своим болезням. Мне опять стало хуже: усилились боли в спине, в ногах, так что я не могу это время ходить.

Посылая Вам «Космос», я несколько волнуюсь и с нетерпением буду ждать Вашего впечатления, потому что тема для стихов новая и предприятия дерзкое. Работы и времени вложено много, а в результатах я не уверен. Пожалуйста, напишите мне искренно Ваше впечатление, а также и тех, кому Вам случится показывать.

...в общем, в Коктебеле прекрасно и боли мне только помогают не отрываться от письменного стола и от акварельной доски. Чувствую себя бодрым, спокойным, радостным.

17/VII 1923. Коктебель.

Съезд в Крым — большой. Поезда идут переполненные. Избыток переливается в Коктебель. С приезжающих здесь дерут здорово. Дачи захватил и сдаст Сель-Хоз. Цены уже поднялись до 500 мил. в месяц за комнату (без мебели!). Дейша⁴³ сдает за 2½ мил. комнаты без окон. Мое предприятие — даровые комнаты — очень сердит местные власти. Я опять получаю предупреждения и угрозы... Идут всевозможные придирки. Пол-лета нам запрещали по вечерам открывать окна и сидеть на террасах (огни) и выходить после 9 часов вечера с дачи. Причем эти правила существовали только для Коктебеля и применялись, главным образом, к моей даче. Нигде в других приморских местах в Крыму [этого] не было. Только на днях удалось добиться их отмены.

Сейчас я чувствую необходимость как-нибудь легально закрепить за собой право устройства у себя в доме бесплатного «дома отдыха» для писателей, художн., артистов, ученых, т. к. ожидаю более серьезных посягательств со стороны местных властей. Я не хочу никаких субсидий, никакой помощи, а только официального права устройства «художественной колонии» на своей даче, а также права не платить никаких налогов, полагающихся с земли и с домов — т. е. никаких, как с доходного имущества.

Нельзя ли было бы это устроить в Москве, Викентий Викентьевич, хотя бы в виде возобновления моей личной «охранной грамоты» — выданной в свое время Крымским правительством. Мне бы очень хотелось иметь таковую непосредственно из центра.

31/VII 1923.

Всю эту неделю было так много приездов людей, посещений, дел, что не было времени дописать это письмо...

Как основания для просьбы могу привести такие [факты]:

1) Ни разу при Советской власти (1918, 1919, 1920—23 гг.) я не сдавал помещений за плату. 2) За текущее лето прошло уже через мои руки не менее 50-ти человек, имевших бесплатные комнаты, не считая экскурсий. 3) Всю зиму местному населению оказывалась бесплатная медицинская помощь (Мар. Степановна) и бесплатно раздавались лекарства (местный казен. фельдшер торгует медикаментами АРА).

Все это делалось за счет моего литературного гонорара, который, сами знаете, невелик. И, кроме того, я ряд лиц все время поддерживаю, делясь своими пайками.

12/X 1923.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Вы были так близко — в Гаспре, Марья Гермогеновна у нас, и мы так и не успели даже обменяться письмами.

Мое лето было очень удачное — не в смысле работы — заниматься успевал только живописью — а в смысле осуществления моего Дома отдыха. У меня перепребывало за лето около 120 человек и, если считать с экскурсантами и случайными ночлежниками, не меньше 160, а может, и все 200. Правда, подбор был случайный — не только писатели. А художников почти не было. Из писателей были Замятин, Чуковский, Шкапская, Шенгели... Все остальные были почти случайный элемент — врачи, инженеры, советск. барышни. Но в смысле общего духа было очень хорошо и удалось создать семейную близость и единодушие. Чувствовалось, что каждый уезжал, набравшись тишины и отдохнув. Так было в середине лета. Ко времени приезда Мар. Герм. это, к сожалению, нарушилось. Несколько случайно попавших сюда драматических артисток сумели всех перепутать и перессорить на время. А к тому времени сказалась и личная усталость от людей. И у Марьи Степановны больше, чем у меня еще. Но это урок на будущее время: избегать театрального элемента. Он, оказывается, обладает страшно едкой и разлагающей силой в такого рода предприятиях. Сейчас восстанавливается ритм зимней работы и я снова взялся за стихи. В Москву думаю приехать в половине декабря. Из слов Марьи Гермогеновны понял, что Вы все-таки очень

И озеро меркнет в оправе холмов
Жемчужиной темной и влажной.

Пройди по лесистым предгорьям,
По белым песчаным тропам
К широким степным лукоморьям,
К звенящим моим берегам.

АКВАРЕЛИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Тишина от луны, от холмов и от скал Карадага.

Дымится море зыбкими столбами,
С налету ветры бьются грудью оземь.
Будь легка стопам твоим дорога,
А в душе — отрадна тишина.

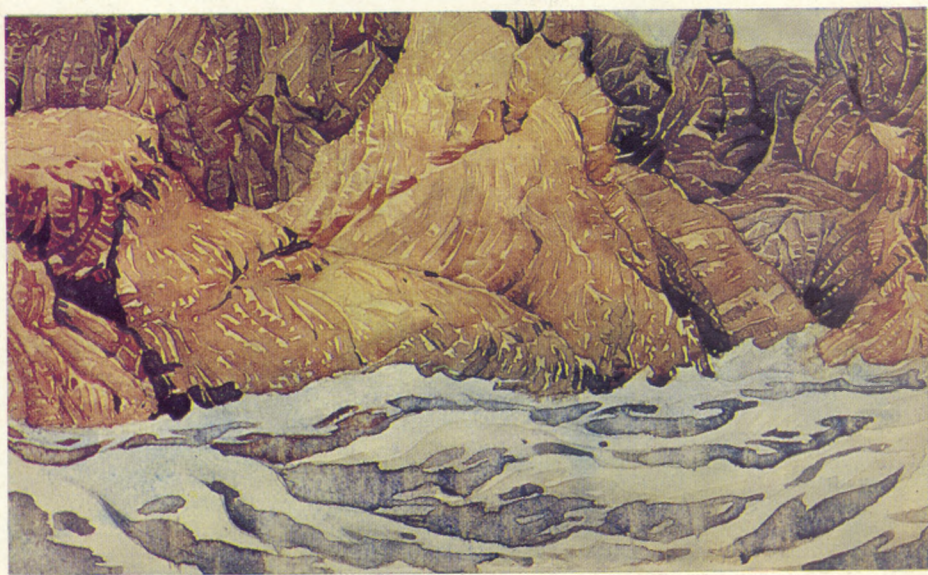
И льнет душа к твоим излогам,
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В молчанье рдяных вечеров.

Отмели, кипящие прибоем,
Чистая и звонкая земля.

Гряды синеющих холмов
И груды белых облаков
На фоне мраморного неба.

Туманные сиянья и лучи,
Кипенье вод и ртутный блеск парчи,
И гулкий ропот рушащейся пены.

и очень стеснены квартирой. Поэтому очень и очень благодарю заранее за гостеприимство, но постараюсь устроиться иначе — тем более, что зовут очень многие, которых я стесню меньше, чем Вас.

А теперь выясняется, что я приеду сам-третий: с Марусей и с моей племянницей Тамарой⁴¹ — танцовщицей, которую буду устраивать учиться. К сожалению, осенняя усталость не дала мне возможности побыть и поговорить с Мар. Гермог. сколько бы мне хотелось.

16/XI 1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

в декабре я должен выехать в Москву, и, чем ближе эта дата, тем больше сомнений... Никогда я не чувствовал, как теперь, собираясь в Москву, всю неуместность моих мыслей, моих стихов, самого факта моего существования. И передо мною невольно стоит вопрос — как меня примут? Дадут ли мне рот раскрыть. Хочу очень и очень просить Вас, Викентий Викентьевич, позволить мне сделать так.

Я не буду затруднять Вас собою все время, пока я буду в Москве. Но позвольте мне прямо с вокзала — дней на 5, на 6 — сперва приехать к Вам — для того, чтобы увидаться с Вами прежде всего, и для того, чтобы Вы меня с самого начала ориентировали и наставили, как себя держать в Москве, и объяснили смысл литературных группировок, издательств, лиц, журналов.

Кажется, никогда не чувствовал себя так смутно и потерянно, как теперь — еду в Москву после 6-ти лет отсутствия. Если б я покидал Крым совсем — все было бы проще. Но сейчас, чувствуя за собою постоянно уязвимую пятую в Коктебеле, это весьма сложно. Вместе с тем оторваться от Коктебеля мне физически и психологически невозможно. А опыт «Дома отдыха» этого лета мне указывает на очень важное, нужное и радостное дело — именно в Коктебеле.

Крепко Вас обнимаю. Привет Марии Гермогеновне. Пожалуйста, ответьте мне о том — можно ли рассчитывать на литературный заработок. Я думаю пробыть январь, февр., март с поездкой в Петербург. Позволил себе дать на это время Ваш адрес для моей корреспонденции.

Максимилиан Волошин.

14/II 1924. Коктебель.

Вот уже больше месяца, как мы отрезаны от всего окружающего мира: заносами, вьюгами, морозами, ураганами. В город ни пройти, ни проехать. Но сегодня и вчера — усиленная оттепель, повеяло весной, и надежда, что дороги подсохнут и можно будет пробраться в город, где, наверное, накопилось много писем: все, что так долго были задержаны харьковскими буранами в январе и просто залежавшиеся в городе.

Зато я за это время кончил свою поэму «Россия» (450 стихов), над которой работал 2 месяца, целыми днями, несмотря на холод и нетопленный дом. В ней все, что думалось о петербургской России (с Петра до наших дней) и в виде лирических мотивов было даже отрывочно высказано раньше в небольших стихотворениях. Это дополнение к «Китежу», «Дикому Полю», «Северовостоку», но взятое уже с петербургской точки зрения, как для Китежа перспективной была Москва, а для «Д. Поля» и «С-востока» южная степь и Крым.

Мне очень хочется знать Ваше мнение о «России». Это опять одно из тех стиховорений, о которых не знаешь, что они? Имеют ли право они быть стихами? Вот рифмованные стихи — легче гораздо. Там есть самооправдание каждой строки. А эти (как все «Путиами Каина»), насыщенные мыслями, не опирающимися на рифму, — я их чувствую все рукописями, запечатанными в бутылку при кораблекрушении. Может, выплывут и кому-то станут нужны. Но когда? Кому?.. Понимание, даже просто опубликование — отнимают сделанное и освобождают для дальнейшего.

Пожалуйста, напишите, Викен. Викентьевич, и Ваше личное мнение о «России» по существу, и впечатление тех, кому будете читать. Это письмо я допишу в городе, когда туда проберусь и найду Ваше письмо.

24/II 1924. Харьков.

Первую часть этого письма я начал в Коктебеле. «Отлипнуть» от Коктебеля мне все-таки удалось. До Феодосии добрались пешком. И вот теперь — до Харькова, несмотря на заносы, в которых сидели сутки (около Мелитополя — Синельникова).

Путешествие оказалось гораздо тяжелее для меня, чем я предполагал: астма от курева в вагонах, от морозного воздуха и т. д. И моя болочая спина очень томится на деревянных скамейках. Надеюсь, что обвыкну и вытренируюсь. Но пока очень тяжело.

В Харькове пробуду дней 5-6. А затем в Москву. Поэму «Россия» привезу сам — посылать уже не стоит. Пишу только для того, чтобы предупредить о приезде.

Хотя мне так плохо дышать и на улицах, и в квартирах, легкие так реагируют на табачный дым, кухонный чад и мороз, что у меня уже не раз являлась малодушная мысль вернуться обратно в Коктебель, где я не задыхаюсь. Но все-таки до Москвы я доберусь во что бы то ни стало, раз уже столько перетерпел. Хотя бы для того, чтобы посоветоваться с врачами.

Р. С. В момент отъезда из Феодосии я получил письмо от д-ра Саркизова⁴⁵ с предложением относительно моей дачи. Большое спасибо Вам за постоянную память о моих интересах. Но предложение Саркизова относительно Малого театра не устраивает меня. Ведь у меня уже есть свой круг людей — главным образом, писателей и художников, которые приезжают ко мне (и это уже 30-летняя традиция). У меня есть фонд основных обитателей. Напротив, с театральным миром на основании горестного опыта мы решили не иметь дела. (Сплетни, дух интриги, отсутствие чувства товарищества). И особенно плохо зарекомендовал себя в этом отношении в прошлом году Малый театр в лице двух своих представительниц.

Мне ведь нужно не столько сохранение моей дачи, сколько возможность продолжать свое дело в смысле прихода литераторов и художников и права немедленно отмежеваться от всех элементов, несущих с собою скверный и пошлый мещанский дух столичной художеств. среды. Но я думаю, что я лично сговорюсь с Саркизовым, объяснив ему, что главная моя цель отнюдь не сохранение моей дачи, и мы сойдемся в другой комбинации.

17/XI 1924.

...о Вашем вопросе. К сожалению, ничего положительного не могу ответить Вам. Мой отец умер, когда мне было 4 года, и я был связан только с материнской семьей. Отцовских же родных совсем не знаю, т. к. в Киеве взрослым не бывал. Воспоминания Францовой⁴⁶ видал мельком — очень давно, когда они печатались еще. Обратил, конечно, внимание на свою фамилию, т. к. это единственный случай, когда я ее увидал в литературе в ее полном — двойном виде. Кириенков и Волошиных в отдельности существует очень много на Украине. Вероятно, это родственники, но, кроме этого предположения, ничего не могу сказать. И спросить-то мне не у кого, потому что лет 25 уже как и слухов-то никаких о родных моего отца не имел.

Это лето прошло в Коктебеле очень интересно и содержательно. Было больше поэтов: А. Белый, Брюсов, С. Шервинский... Народу прошло через дом за это лето на сто человек больше, чем в прошлом году: именно 300 человек. Июль и август население дома было 100 чел. одновременно. Приблизительно через день устраивались литературные чтения, лекции, диспуты, беседы и рассказы на определенные темы, стихотворные конкурсы, импровизированные спектакли, кинематографы, джаз-банд и даже фокстрот. Все это было очень хорошо и в меру. И представьте себе, что Брюсов в эти последние недели своей жизни был душой общества, был крайне прост, общителен, добр. Даже с большим талантом исполнял комические роли в импровизированном кинема. После моей весенней трепки в Москве... это было, в конце концов, для хозяев очень утомительно, и я устал смертельно. Но очень большое удовлетворение от сознания, что Коктебельская худож. колония становится делом, насущно необходимым и органическим... Как жаль, что Вы слишком сыты Коктебелем, чтобы приехать ко мне. Ангарский бывал часто и неожиданно проникся ко мне симпатией и уважением.

21/XI 1924.

Этим летом Старо-Крымский райисполком повел на меня атаку, имея в виду отнять у меня дачу. Это было летом. Я ездил в Симферополь. Телеграмма Ибрагимова их очень рассердила. Они говорили: «Ну, в будущем году Волощина здесь духа не будет. Довольно ему народ обирать (sic!), к нам приходили на него жаловаться, в будущем году мы сами Дом отдыха устроим». При этом они допрашивали каждого с моей дачи — сколько он платит и т. д., надеясь уловить меня на каком-нибудь сбманс.

Все это очень смешно и забавно, но т. к. я могу ожидать всего что угодно, то нужно заранее принять меры.

То, что я пишу о Коктебельском «курорте», совершенно точно. Любопытно, что этот курорт был открыт без ведома и разрешения Наркомздрава. Я сам спрашивал у ст. крымских властей, когда они приезжали ко мне: «Почему же Коктебель курорт? В чем же его курортность?» На что мне отвечали: «А как же: солнце есть, воздух есть. Вот и курорт». — «Но тогда вся Россия курорт?» — «Ну, конечно. Тут только административно трудно — взывание налогов наладить».

Еще из местных бытовых курьезов: недавно в Коктебеле отравилась крестьянская молодая девушка из-за любви и оставила записку, что в смерти ее повинен такой-то. Этот мальчишка арестован, и сейчас ведется следствие — всю деревню вызывают свидетелями: совсем *les cours d'amour* в Провансе...

Последнее время я довольно много читал книг о Пушкине: частью мне прислал Гроссман⁴⁷, частью привез из Москвы. Очень жаль мне, что до сих пор не мог прочесть Вашей статьи в «Кр. Нови». Воронский мне этого № так и не выслал. Как поживает Марья Гермогеновна? Как она проводила лето?

Привет от Марьи Степановны. Жму Вашу руку. Максимилиан Волошин.

24/III 1925. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

только что, вернувшись в Коктебель, я нашел Ваше письмо.

Я провел больше месяца в Харькове. Марья Степановна уехала туда лечить ухо, а потом я был вызван телеграммой, т. к. ей понадобилась спешная операция, и не в ухе, а в брюшной полости. Операция была сложная и тяжелая, но была сделана вовремя и прошла вполне благополучно. Сейчас я ее уже привез обратно. Выезд, расходы по операции — все это было совсем неожиданно. Но ко мне пришли на помощь и харьк. друзья и ЦКУБУ⁴⁸ и материально я со всем справился. Но теперь, забрав ак. обесп. вперед за 3 месяца, до конца мая сижу в Коктебеле без денег и буду Вам глубоко благодарен за 60 р. (которые еще не получил). В Харькове меня так же раздирали чтениями, как в прошлом году в Москве.

...сюрпризом, меня ожидавшим, было формирование комитета для чествования тридцатилетия моей литературной деятельности. Дело в том, что в 1895 г. было напечатано в маленьком местном сборнике «Памяти В. К. Виноградова» (это был историк гор. Феодосии и дирек. гимназии) одно мое гимназическое стихотворение, прочитанное на его могиле. Стихи печатать я начал, в сущности, гораздо позже (в 1903 г. в «Северных Цветах» — «Железн. дорога»⁴⁹). Но в 1900 г. в мае была напечатана моя первая подписная статья в «Русс. Мысли» (я работал там и раньше — но без подписи) — «В защиту Гауптмана» (против Бальмонта!!). Так что и так выходит 25 лет.

...одной из причин, побудивших меня все-таки принять это «позорище», лежит в соображении: нельзя ли использовать это «торжество», чтобы укрепить положение моей «художественной колонии».

Теперь дом закреплен за мною бесспорно и крепко — законодательным актом. Я имею право его эксплуатировать, отдавать в наем и т. д. Но это вовсе еще не означает, чтобы я имел право его отдавать бесплатно для пользования писателям и художникам. Как это ни парадоксально — это так. Еще прошлой осенью был у меня такой разговор с местными властями по поводу требования с меня налогов. Мне было сказано: «Вы не имеете права бесплатно отдавать свой дом, т. к. нам нужно получать с вас налоги». Вот мне и хотелось, чтобы мои дру-

зья и те мои гости, для которых существует моя «художественная колония», как-нибудь и просуфлировали бы «высшей власти», чтобы мне по случаю «30-летнего юбилея» было дано право «не торговать», хотя бы в виде мандата на организацию в Коктебеле «художественной колонии» (это точнее, чем «Дом отдыха», т. к. сюда не только отдыхать, но работать приезжают) и освобождения ее ввиду бесплатности и бездоходности от местных и курортных налогов. Фактически все это, как Вы знаете, так и существует, и налогов я ни разу не платил. в конце концов, но ежегодно все это снова и снова выдвигается против меня. Я бы хотел только официального санкционирования существующего порядка вещей.

Если можете, Викентий Викентьевич, мне в этом помочь через свои связи и знакомства, то, пожалуйста, не откажитесь. Одновременно буду об этом писать и Ангарскому, который сам надоумил меня на это в прошлом году словами: «Вот если бы у вас какой-нибудь юбилей был». Мне тогда и в голову не пришла эта дата. А теперь она выплыла неожиданно и против моей воли. Значит, сама судьба.

Как Вы живете эту зиму? Над чем работаете?

Крепко Вас обнимаю и благодарю...

10/XII 1925. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

из случайно попавшего ко мне № старой газеты я узнал сегодня, что 7 дец[абря] должен был состояться Ваш юбилей и, следовательно, теперь он уже, вероятно, состоялся. Поэтому позвольте мне с запозданием, но зато не во время юбилейной суматохи, интимно и дружески заочно Вас обнять, и не только как славного русского писателя, но и как прекрасного, доброго и отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь другим. Правда, и это относится к «священным» традициям русской литературы, но на практике все-таки встречается, ой, как редко.

Последние полгода я совсем потерял Вас из виду. Ходили слухи, что Вы были в Гаспре... А я был этим летом не только раздавлен количеством гостей (400 чел.), что и радует меня (ибо показывает насущную потребность в Волошинском доме) и пугает, ибо это количество человек [дом] вместить в себя не может, хотя стены и выдерживают, но меня еще доконала летняя болезнь: я умудрился в июле-месяце схватить ползучее воспаление легких, которое перенес на ногах, но утомило оно смертельно. Вообще здоровье мое неважно: к артриту присоединились еще отеки ног и почки (очевидно, гипертония), так что боюсь, что к концу зимы придется ехать в Москву советоваться с врачами и хлопотать о санаторном лечении на Кавказе, если не поможет за зиму лечение голодовкой и жаждой, которому я сейчас себя подвергаю под наблюдением Марьи Степановны и которое пока приносит очень хорошие результаты. Мой «юбилей» был запрещен местными властями и потому был справлен интимно в августе на мои именины в Коктебеле. Это было очень хорошо, дружно, весело, остроумно, безо всякой официальной и традиционной помпы — как раз в день кризиса моей пневмонии.

Крепко Вас обнимаю. Привет Марии Гермогеновне.

Марья Степановна Вас приветствует ото всей души.

Максимilian Волошин.

P. S. Представьте себе, что за это лето я почувствовал искреннюю симпатию к Ангарскому, открывшемуся впервые совсем не с деловой и не официальной стороны своей.

11/X 1927. Коктебель.

Я приехал из Москвы еще больной гриппом, и потом, когда болезнь уже прошла, — месяца три еще оставалось состояние неприятнейшей апатии, как иногда после гриппа бывает. А лето было, как нарочно, особенно тревожное и утомительное, со всевозможными тревогами, слухами и личными несчастьями, собиравшимися к нам со всех сторон, как в ушную раковину. И людей через наш дом за это лето прошло 500 человек, т. е. на сто человек больше, чем оба предыдущих лета. Это создало к концу лета громадную усталость. И на все это упало

землетрясение. И еще: ограничьте землетрясение первыми (самыми сильными) ударами — было бы ничего, но оно не кончилось еще до сих пор, и не проходит дня, чтобы настороженный организм не отмечал 3-4 новых содроганий. Правда, в общем, они идут в убывающем порядке, но нет никогда уверенности в том, что не повторится удар большей силы, который обрушит тебе весь дом на голову. Эта мысль, к которой довольно хладнокровно относишься днем, учитывая все ее малое вероятие, становится навязчивой идеей ночью, когда раздеваешься и ложишься в постель.

В верхних комнатах, где качает и трясет больше, мы спать уже не решаемся и спим внизу, в музыкальной комнате. Первые удары застали нас под вышкой в моем кабинете, где тогда рухнула вся штукатурка с западной стены вместе с картинами, книгами и посудой, стоявшей на полках, и это, очевидно, оставило некоторую психологическую травму, которая мешает спать ночами вот уже месяц.

Дому предстоит очень большой ремонт с укреплением стен, стягиванием дома железным обручем, перделкой труб и балконов. Это все, конечно, не в наших возможностях, но мы надеемся на концерт в Москве... и на помощь наших летних гостей, которые обещают организовать сбор для ремонта дома.

На днях заходил на Вашу дачу: там все благополучно. Никаких видимых дефектов. Синопли⁵⁰ уже перебираются к Еам. Стоит великолепная осень, — теплая и тихая. Какая великолепная пора для работы, если бы не эти, ежедневно о себе напоминающие сотрясения, для восприятия которых у нас выработалось какое-то сейсмографическое чувство.

29/III 1928. Коктебель.

Я неделю назад возвратился из Кисловодска и получил от Вас 60 руб. Глубоко тронут Вашим вниманием и дружественностью. Но сейчас — раз я вернулся с лечения — у меня нет крайности в деньгах. Поэтому позвольте мне дать им то употребление, которое мы даем всем тем средствам, которые нам удается сэкономить на собственном бюджете: переслать их тем, кто не имеет средств на билет в Коктебель (сейчас я имею в виду внучку Ф. И. Тютчева — А. А. Юраго⁵¹) или просто их вернуть Вам с глубокой благодарностью.

Мы провели около 2 месяцев в Кисловодске... Наши московские друзья по собственной инициативе приняли большое участие в нашем лечении и розыгрышем моих худож. работ дали нам средства на лечение. Словом, мы приобрели от этой поездки человек 60 новых близких друзей в Кисловодске, некоторое улучшение в здоровье и впечатления хорошей северной зимы, давно нами не виданной. Кисловодск похож на Финляндию.

Позвольте мне напомнить Вам, Викентий Викентьевич, что Вы мне обещали прислать Ваши «Воспоминания» и я их очень жажду.

Скажите мне: числюсь ли я членом Союза писателей, а если нет, то могу ли я быть таковым и что для этого нужно мне сделать?

Скоро ли Вы приедете в этом году в Коктебель? Посылаю Вам и Марии Гермогеновне две акварели — из впечатлений черноморских берегов во время переезда из Новороссийска.

Всего лучшего. Спасибо еще раз. Получили ли Вы мои стихи «Четверть века», что я посылаю Вам до Кисловодска?

Максимилиан Волошин.

26/III 1930. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

я Вам не писал всю зиму. Это происходило, главным образом, от моей болезни. Вы, вероятно, знаете, что зимою (9/XII 29 г.) у меня был «удар». Инсульт был небольшой, но я после [него] утерять способность писать — водить пером по бумаге. Но это не помешало мне докончить перевод «Повестей» Флобера, заказанный мне Госиздатом⁵².

Ваш М. А. Волошин.

Публикация В. КУПЧЕНКО и А. МАРКОВА.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пра — мать Волошина Елена Оттобальдовна (1850—1923).
- ² Кнебель Иосиф Николаевич (1854—1926) — книгоиздатель.
- ³ Лампси — по-видимому, Петр Николаевич, внук И. К. Айвазовского. В 1920 году выехал в Грецию.
- ⁴ Новичкая Мария Алексеевна (1896—1965) — дочь профессора-искусствоведа, музейный работник.
- ⁵ Массалитинов Николай Осипович (1880—1961) — актер и режиссер, в 1916 году был в Коктебеле.
- ⁶ Эфрон Вера (1888—1945) и Елизавета (1885—1976) — сестры С. Я. Эфрона, мужа М. И. Цветаевой.
- ⁷ М. В. Сабашникова ((1882—1973) — первая жена М. А. Волошина, художница.
- ⁸ Nahi (*франц.*) — пророк (у древних евреев).
- ⁹ Selva oscura (*итал.*) — темный лес; образ из «Ада» Данте. Книга стихов Волошина под таким названием планировалась в Госиздате.
- ¹⁰ С. Я. Парнок (1885—1933) — поэтесса.
- ¹¹ Наний Петр Иванович (1885—1942) — врач-феодосец.
- ¹² Кудашева Майя Павловна (урожд. Кювилль, во втором браке Роллан, р. 1895) — переводчица и поэтесса.
- ¹³ Герцын Аделаида Казимировна (1870—1925) — поэтесса; жила со своей сестрой Евгенией (1874—1944) и двумя детьми в Судаче. Поталенко Елена Николаевна (ур. Лампси, 1864—?) — бывшая жена писателя И. Н. Поталенко. Вигонд Екатерина Владимировна (ок. 1877—?) — вторая жена Н. А. Маркса (1861—1921), генерала и профессора-археолога.
- ¹⁴ Слудский Александр Федорович (1884—1954) — геолог, заведующий Карадагской биологической станцией (с 1914-го по 1927-й).
- ¹⁵ Вучетич Виктор Николаевич (1887—1945) — энтолог, сотрудник Биостанции (отец известного советского скульптора).
- ¹⁶ Хрустачев Николай Иванович (1883—1962) — художник. В Феодосии жил с 1913 по 1923 год.
- ¹⁷ Гинцбург (Корев) Симон Исаакович (1900—1953) — музыковед. Был председателем подотдела искусств Феодосийского наробраза.
- ¹⁸ Богасевский Константин Федорович (1872—1943) — художник-феодосец, друг Волошина. Церасский, Витольд Карлович (1849—1925) — астроном, директор Московской обсерватории (с 1890-го по 1916-й), Галабуцкий Юрий Андреевич (1863—1928) — педагог-феодосец, Ахшарумов Дмитрий Владимирович (1864—1938) — музыкальный деятель.
- ¹⁹ Манассеина Наталья Ивановна (1869—1930) — детская писательница, редактор журнала «Тропичка». Соловьева Полиссена Сергеевна (псевдоним Allegro, 1867—1924) — поэтесса. Новичкин Алексей Петрович (1862—1934) — историк искусств.
- ²⁰ Буткова Евгения Александровна — артистка Малого театра (с 1915-го по 1918-й). Спендиаров А. А. (1871—1928) — композитор.
- ²¹ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель. Чехова Мария Павловна (1863—1957) — сестра писателя, хранитель его дома. Найденов Сергей Александрович (1868—1922) — драматург.
- ²² Тренев Константин Андреевич (1876—1945) — писатель. Дерман Абрам Борисович (1880—1952) — писатель. Тугенхольд Яков Александрович (1872—1928) — искусствовед.
- ²³ Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) и Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875—1958) — писатели.
- ²⁴ Центральное управление курортами Крыма.
- ²⁵ Семашко Николай Александрович (1874—1949) — нарком здравоохранения РСФСР
- ²⁶ Генуэзская международная конференция, проходившая с 10 апреля по 19 мая 1922 года.
- ²⁷ Воронский Александр Константинович (1884—1943) — критик, редактор журнала «Красная новь» (1921—1927).
- ²⁸ С. З. Федорченко (1880—1959) — писательница.
- ²⁹ Повесть В. Вересаева «В тупике».
- ³⁰ Эти произведения были опубликованы в альманахе «Наши дни» (№ 1, М. 1922) и журнале «Красная новь» (№ 3, М. 1922).
- ³¹ Ангарский (Клэстов) Николай Семенович (1873—1943) — редактор, издательский деятель.
- ³² Сергеевко Петр Алексеевич (1854—1930) — писатель, в 1922-м — сотрудник музея Л. Н. Толстого в Севастополе.
- ³³ М. С. Заболотная (1887—1976) — вторая жена Волошина.
- ³⁴ Н. К. Михайловский (1842—1904) — публицист, теоретик народничества.
- ³⁵ Мншцин Эмиль Львович (1900—1981) — поэт, был в Феодосии в 1919—1921 годах.
- ³⁶ Юнге Федор Эдуардович (1866—1928) — инженер-механик. В 20-е годы жил вместе с семьей во флигеле дома Волошина.
- ³⁷ М. Васильева — жительница Коктебеля, на которую был оставлен дом Вересаева.
- ³⁸ Успенский Владимир Александрович (1892—1956) и Магула Герасим Афанасьевич (?—1923) — художники феодосийцы.
- ³⁹ Зелинский Иосиф Викторович (1857—1928).
- ⁴⁰ Книга немецкого философа О. Шпенглера (1889—1936).
- ⁴¹ В «Недрах» был напечатан отрывок из романа И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова».
- ⁴² Зогар (Sohar) — часть Каббалы, древнесврейского мистического учения.
- ⁴³ Дейна-Спионика Мария Адриановна (1861—1932) — оперная певица. Имела в Коктебеле дачу.
- ⁴⁴ Шмелева Тамара Владимировна (р. 1923), обычно жившая в Ялте; в Москву выехала отдельно от Волошина.
- ⁴⁵ Саркизов (Серазини Иван Михайлович) (1887—1964) — врач-гигиенист, москвич.
- ⁴⁶ Воспоминания Е. Д. Францовой «А. С. Пушкин в Бессарабии» печатались в «Русском обозрении» в 1897 году.
- ⁴⁷ Гроссман Леонид Петрович (1888—1965) — писатель; в 1924 году отдыхал у Волошина в Коктебеле.
- ⁴⁸ Центральная комиссия по улучшению быта ученых.
- ⁴⁹ Имеется в виду стихотворение «В вагоне».
- ⁵⁰ Синопли Александр Георгиевич и Варвара Семеновна — жители Коктебеля.
- ⁵¹ Корого Анна Александровна (1890—1953) — педагог, переводчица.
- ⁵² «Легенда о святом Юлиане Странноприимце» в переводе М. А. Волошина была опубликована в 5 томе собрания сочинений Г. Флобера, вышедшем в 1934 году.